

Ратч Василий Федорович

**Сведения о графе Алексее
Андреевиче Аракчееве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Федорович Р.**
Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве / Ратч Василий Федорович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 197 с.

ISBN 978-5-519-80362-5

ISBN 978-5-519-80362-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рожденію, тверской дворянинъ и сынъ отставнаго поручика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Цѣль предлагаемыхъ розысканій о графѣ Аракчеевѣ—изъ собранныхъ матеріаловъ, по возможности, сплести частую сѣть и пропустить сквозь нее все, что было придумано впоследствии, очистить факты, сличить рассказы, свѣрить ихъ съ подлинными документами, какъ официальными, такъ и частными,—словомъ, чтобы по возможности, всякія вновь появляющіяся достовѣрныя свѣдѣнія могли бы служить дополненіемъ, а не противорѣчіемъ. На первый разъ, мы представляемъ собранныя о немъ свѣдѣнія до назначенія его, въ 1792 году, къ великому князю Павлу Петровичу, въ Гатчину.

При обширномъ кругѣ служебныхъ занятій Аракчеева, осталось много до него относящихся матеріаловъ; многіе изъ нашихъ современниковъ лично знали графа. Несмотря на большое число собранныхъ свѣдѣній, мы убѣждены, что они не составляютъ и сотой доли того, что находится на Руси. Надѣемся, что этотъ первый опытъ изысканій о графѣ Аракчеевѣ вызоветъ новыя поясненія и новыя о немъ извѣстія ⁽²⁾.

Въ изысканіяхъ о графѣ Аракчеевѣ мы часто должны были уклоняться отъ нити рассказа. По многимъ соприкосновеннымъ предметамъ, положительныя свѣдѣнія еще мало были обработаны; кромѣ того, по имѣющимся жизнеописаніямъ, нѣкоторыя изъ встрѣчаемыхъ личностей поставлены на ходули, и, по этимъ описаніямъ, они дѣйствуютъ при условіяхъ нынѣшней общественной жизни, потому было необходимо возвратить ихъ въ эпоху государственной ихъ дѣятельности и рассмотреть ее, ознакомясь столь близко, на сколько это возможно, съ самою эпохою, къ которой они принадлежали.

⁽²⁾ Можетъ быть, нѣкоторыя особы, знакомыя и съ государственной и частной жизнью графа Аракчеева или обладающія матеріалами, возьмутъ на себя трудъ доставить мнѣ, во всякомъ случаѣ, для меня драгоцѣнныя свѣдѣнія. Считаю долгомъ объяснить, что мое желаніе изобразить графа Аракчеева какъ онъ былъ, а не писать ему панегирикъ, потому одинаково для меня важны всѣ факты, которые могутъ служить къ его похвалѣ и къ порицанію. Въ случаѣ доставленія подобныхъ свѣдѣній, я покорнѣйше прошу отмѣтки, можно ли въ ссылкахъ выставить имена, или оставить ихъ до дальнѣйшей разработки въ моихъ портфеляхъ. При общемъ сочувствіи къ отечественной исторіи, надѣюсь, что моя просьба найдетъ отголосокъ. Покорнѣйше прошу адресовать на мое имя—генералъ-маіору Ратчу, въ редакцію журнала «Военный Сборникъ». При первой возможности, доставленные матеріалы будутъ возвращены.

I.

ДѢТСТВО.

Аракчеевы ведутъ свой дворянскій родъ отъ Новгородца Ивана Степанова Аракчеева ⁽³⁾, которому, за службы предковъ, отца и самого его, въ 1684 году, были пожалованы вотчины въ тогдашнемъ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Никольскомъ погостѣ, въ Молдинѣ-пустошъ, что была деревня Санникова, Игначиха, Клобуки, Шепилова, да въ Петровскомъ, Тихвинскомъ погостѣ, въ слободкѣ Березинской, на рѣкѣ Волчихѣ, пустошъ Пушеная.

Прадѣдъ графа Аракчеева, Степанъ, умеръ капитаномъ, служа въ армейскихъ полкахъ ⁽⁴⁾; дѣдъ, Андрей, былъ убитъ въ турецкомъ походѣ Миниха, армейскимъ поручикомъ, а отецъ его, тоже Андрей, служилъ въ гвардіи, въ Преображенскомъ полкѣ, и, пользуясь милостивымъ манифестомъ 18 февраля 1762 года, по которому на волю дворянъ предоставлялось служить или не служить, вышелъ въ отставку, съ чиномъ поручика ⁽⁵⁾, и удаленъ въ свое небольшое помѣстье, 20 душъ крестьянъ, которые при раздѣлахъ пришлось на его долю изъ жалованнаго наслѣдія предку, въ тогдашнемъ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверскаго намѣстничества ⁽⁶⁾, нынѣ Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи. Этимъ объясняется, почему біографы графа Аракчеева показы-

(3) См. приложение 1.

(4) Повидимому, графъ Аракчеевъ раздѣлялъ слабость возвышенія своего рода предками. Генералъ-маіоръ Аракчеевъ, о которомъ сохранился лестный отзывъ въ аттестаціи генераловъ, поданной графомъ Минихомъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (Арх. В. Топ. Депо), и о которомъ упоминаетъ Манштейнъ, былъ братъ его прадѣда, а Аракчеевъ, въ письмѣ своемъ къ г. Глинкѣ, называетъ его своимъ прадедомъ (прилож. 3). Манштейнъ упоминаетъ о генералѣ-маіорѣ Аракчеевѣ, считая болѣе замѣчательныхъ генералъ-маіоровъ (стр. 194), бывшихъ въ походѣ графа Миниха 1737 года, и въ томъ же году приводитъ его въ числѣ раненыхъ подъ Очаковымъ (стр. 208). (Manstein: Mémoires sur la Russie. Paris 1771.) Графъ Минихъ аттестуетъ генералъ-маіора Василия Аракчеева слѣдующими словами: «храбрый и бросающійся въ опасность воинъ, служить съ охотою и надеженъ въ дѣлѣ».

(5) См. прилож. 2.

(6) Тамъ же.

ваютъ его разнорѣчиво уроженцемъ: одни — Новгородской, другіе — Тверской губерніи.

Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ родился 23 сентября 1769 года (7).

Отставной поручикъ Андрей Андреевичъ Аракчеевъ отдыхалъ въ деревнѣ если не на лаврахъ, то на пуховикахъ, въ хозяйство не вмѣшивался, любилъ глядѣть изъ окна на тѣ малоразнообразныя сцены, которыя можетъ представлять дворъ бѣдной помѣщичьей усадьбы. У него было три сына: Алексѣй, Петръ и Андрей (8). Алексѣя, какъ первенца, любилъ онъ съ особенною нѣжностію, пытался даже заняться его образованіемъ, то есть выучить его грамотѣ; но этотъ трудъ показался ему обременительнымъ, и онъ возложилъ его на деревенскаго дьячка.

Если личность Андрея Андреевича такъ ложится подъ типъ необъятнаго числа русскихъ дворянъ, все еще сохраняющійся, несмотря на всѣ перемѣны условій жизни нашего общества, за то личность жены его, Елисаветы Андреевны, была замѣчательная.

Въ жизни графа Аракчеева много найдемъ мы слѣдовъ первыхъ впечатлѣній, перваго взгляда на жизнь, которое получаютъ дѣти въ родительскомъ домѣ. Въ нашемъ русскомъ помѣщичьемъ быту, много можно встрѣтить барынь богомольныхъ и заботливыхъ хозяекъ, но Елисавета Андреевна отличалась, особенно въ то время, необыкновенною аккуратностію и педантическою чистотою, въ которыхъ она содержала свое хозяйство, такъ что одинъ проѣзжіи, побывавъ у нея въ домѣ, называлъ ее *Голландкою*.

При маленькихъ средствахъ, въ домѣ нужда не стучалась въ двери. Денегъ было мало; но тогда мелкопомѣстные наши дворяне немного о нихъ и заботились: домашнее хозяйство давало въ натурѣ почти всѣ средства къ жизни. Копили копѣйку

(7) Графъ Аракчеевъ, во время постоянного пребыванія своего въ Грузинѣ, 23 сентября праздновалъ день своего рожденія. Это число выставлено и на его надгробномъ памятникѣ. Въ его просьбѣ, написанной въ Петербургѣ, объ опредѣленіи въ корпусъ, сказано: «родился 3 октября» (приложеніе 2), что показываетъ, что ни самъ онъ, ни отецъ, въ то время, точно не знали день его рожденія. 3 октября было днемъ его именинъ (митрополита московскаго Алексія). Въ статьѣ: «Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ» (Военн. Сб. 1861 г., № 2), показано 23 октября; но это ошибка.

(8) Петръ родился въ 1776, а Андрей—въ 1778 г.

развѣ только для посылки служащимъ сыновьямъ въ армію и для пополненія и освѣженія изъ рода въ родъ переходящаго приданаго для дочекъ. При маленькихъ дѣтяхъ и не имѣя дочерей, Елисавета Андреевна и этой заботы не имѣла. Сердца милосердаго, она, однако, въ строгомъ повиновеніи держала домо-чадцевъ; опрятность, съ которою она содержала дѣтей, прислугу, домъ, кидалась всѣмъ въ глаза. Съ неутомимою дѣятельностію и бережливостію слѣдила она за всѣми отраслями сельскаго хозяйства, и когда въ день Андрея съѣзжались сосѣди, то у Андрея Андреевича пиръ и угощеніе были какъ у помѣщика, который имѣлъ *за полсотню душъ крестьянъ*, и въ домѣ все было *прилично*—слово, любимое Елисаветою Андреевною, которое перешло и къ ея сыну.

Мать учила сына молитвамъ, всегда водила его съ собою въ церковь, не пропускала ни обѣдни, ни вечерни и постоянно внушала ему бережливость одежды и обуви. Только отецъ, глава семейства, не подчинялся общему настроенію всего домашняго быта—*обращаться въ постоянной дѣятельности* ^(*). При этихъ обстоятельствахъ, мальчикъ, быть можетъ, по природѣ нѣсколько серьезный, былъ чуждъ рѣзвости и изъ домашняго воспитанія вынесъ: набожность, привычку къ постоянному труду, сноровку требовать его отъ людей ему подчиненныхъ и неутомимое стремленіе къ порядку. Дальнѣйшая обстановка его жизненнаго поприща не давала заглушить этимъ первымъ началамъ; развились они корпуснымъ воспитаніемъ и первоначальною службою.

За годовой платежъ трехъ четвертей ржи и столько же овса, дьячекъ училъ его читать, писать и четыремъ правиламъ ариѳметики. Аракчесвы имѣли родственника въ Москвѣ: тотъ вызвался опредѣлить его въ гражданскую службу, помѣститъ, когда онъ кончитъ домашнее ученіе, въ какую-то канцелярію. «Изъ меня хотѣли сдѣлать подъячаго, то есть доставить мнѣ средства списывать пропитаніе перомъ и крючками — говорилъ впоследствии графъ Аракчесвъ — не имѣлъ я понятія ни о какой службѣ, а потому отцу и не прекословилъ.» Графъ Аракчесвъ любилъ вспоминать годы своего дѣтства: имѣемъ нѣсколько разсказовъ отъ людей, слышавшихъ ихъ отъ самого его. Они бо-

(*) Со словъ гр. Аракчеева.

аѣе или менѣе полны и не противорѣчатъ ни между собою, не противорѣчатъ имъ и официальные документы. Не можемъ сказать то же о напечатанныхъ жизнеописаніяхъ ⁽¹⁰⁾.

Малые успѣхи Алексѣя въ каллиграфіи смущали отца. «Какой онъ будетъ канцелярскій чиновникъ, когда пишетъ — говоритъ отецъ — точно бредутъ мухи.» Но дядечкѣ немногимъ писать лучше своего ученика. Отецъ придумалъ новое средство: отобралъ изъ связки сохраняемыхъ имъ служебныхъ бумагъ тѣ, которыя отличались почеркомъ, и заставлялъ ихъ переписывать сына. Этимъ добился онъ нѣкоторыхъ успѣховъ ⁽¹¹⁾.

Ариѳметика была конькомъ Алексѣя: учитель не могъ уже слѣдить за ученикомъ. Онъ самъ себя задавалъ такія большія числа для умноженія, которыхъ дядечкѣ и выговорить не умѣлъ. Не умѣлъ ихъ выговорить и ученикъ; но это не мѣшало ему все же ихъ множить и тѣшиться, когда повѣркою дѣленія искомыя были получены вѣрно. Это было его любимое препровожденіе времени.

Между тѣмъ, мальчику наступилъ одиннадцатый годъ. Отецъ сталъ чаще поговаривать объ отсылкѣ сына въ Москву; но, въ это время, случайное событіе перемѣнило всѣ предположенія. Въ сосѣдствѣ, жилъ помѣщикъ 30 душъ, отставной прапорщикъ Гаврило Ивановичъ Корсаковъ, къ которому, около 1780 года, пріѣхали въ отпускъ два его сына: Никифоръ и Андрей, бывшіе кадетами въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ шляхетскомъ корпусѣ. Андрей Андреевичъ поѣхалъ къ нимъ въ гости и взялъ сына съ собою. Существующіе изустные и писанные рассказы, что знакомство съ кадетами Корсаковыми показало Аракчееву,

⁽¹⁰⁾ Михайловскій-Данилевскій, въ статьѣ: «Аракчеевъ» (Военная Галлерей), помѣщаетъ подробный рассказъ, но включаетъ много подробностей, противорѣчащихъ подлиннымъ документамъ, несмотря на слова, имъ вкладываемыя въ уста графа Аракчеева и скрѣпленные на трехъ страницахъ сверху до низу ковычками («»). По этимъ свидѣніямъ, отбѣздъ Аракчеева, для опредѣленія въ корпусъ, послѣдовалъ тотчасъ послѣ знакомства съ кадетами Корсаковыми; но они, бѣжцыя помѣщики, выпущены изъ корпуса въ землемѣры межевой экспедиціи Правительствующаго Сената въ 1780 г., а Аракчеевъ подалъ просьбу о поступленіи въ 1783 году (арх. 2 Кад. корр.)

⁽¹¹⁾ Въ его челобитной на поступленіе въ корпусъ, довольно хорошою четкою рукою подписано: «Недоросль Алексѣй Андреевъ сынъ Аракчеевъ руку приложилъ». Эта подпись носитъ отпечатокъ большого старанія, при подписи первой официальной бумаги, и есть вышее произведеніе его каллиграфическаго искусства. Сличая его почеркъ за разные годы, видно, что рука его постепенно все и болѣе становилась неразборчивою.

какъ ничтожны были его свѣдѣнія сравнительно со свѣдѣніями кадетъ, что они разрѣшали задачи, которыя ему казались невозможными, что все это родило въ немъ непреодолимое желаніе поступить въ корпусъ и учиться, могутъ быть прямо отнесены къ вымысламъ въ обширной области фантазіи. Какъ бы прямо въ опроверженіе этой басни, графъ Аракчеевъ говорилъ: «Миѣ въ голову не приходило спрашивать ихъ, какимъ премудростямъ ихъ обучаютъ; но не могъ я послушаться ихъ рассказамъ о лагерѣ, ученьяхъ, стрѣльбѣ изъ пушекъ. Я не проронилъ ни одного слова. Особенно поразили меня ихъ красные мундиры съ черными бархатными лацканами. Миѣ казались они какими-то особенными высшими существами. Я не отходилъ отъ нихъ ни на шагъ.»

Возвратясь домой, Алексѣй все вспоминалъ о кадетамъ. Они чудились ему день и ночь. Мальчикъ былъ какъ въ *михорадкѣ* (12), наконецъ кинулся въ ноги къ отцу и сказалъ, что умретъ съ горя, если его тоже не отдадутъ въ корпусъ. Добрякъ отецъ утѣшалъ его, говорилъ, что онъ непрочъ исполнить его желаніе, но дѣло въ томъ, какъ добраться до Петербурга и безъ денегъ и покровителей опредѣлить его. Алексѣй не отставалъ, пока отецъ не обѣщалъ ему хлопотать и вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ. Объявили матери: «съ Богомъ — сказала она—коли на то Божія воля, ступай въ кадеты». Можетъ быть, Елисавета Андреевна и воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы удалить время разлуки съ сыномъ. Она не прекословила отправленію его въ Москву, къ роднымъ, но возстала на отправленіе тогда же его, одиннадцатилѣтняго ребенка, въ Петербургъ, возстала противъ того, чтобы пустить его въ эти лѣта среди чужихъ людей, и два года еще продержала дома. Въ мальчикѣ не сглаживалось, однакожь, впечатлѣніе, на него произведенное Корсаковыми: онъ крѣпко стоялъ на своемъ, все мечталъ о кадетамъ, и, наконецъ, послѣ зимнихъ святковъ (1782—1783), начались рѣшительные сборы, повезли изъ анбара хлѣбъ на базаръ, продали двѣ коровы. Запаслись деньгами и на проѣздъ и чтобы, въ случаѣ надобности, внести въ корпусъ положенныхъ для своекоштныхъ около 100 рублей. Съ нетерпѣливымъ весельемъ смотрѣлъ Алексѣй на всѣ приготовленія, на печенье пи-

(12) Со словъ гр. Аракчеева.

роговъ, не понималъ, отчего мать его проливаетъ слезы; взгрустнулось ему тогда, когда подвезли кибитку и стали укладываться. Пришелъ священникъ, отслужилъ молебенъ, потомъ молча посидѣли и стали прощаться съ матерью. «Рыдая, благословила она меня образомъ, который ношу до сихъ поръ — говорилъ графъ Аракчеевъ — и который не сходилъ съ груди моей, и дала мнѣ одно увѣщаніе—молиться и надѣяться на Бога. Всю жизнь мою я слѣдовалъ ся совѣту.»

На долгихъ, самъ-третей со слугою, отправились они въ столицу, остановились въ Ямской, на постояломъ дворѣ, наняли уголь за перегородкой, отыскиали писца, солдата Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, Мохова, который, на гербовомъ двухъ-копѣечномъ листѣ, написалъ просьбу, и, отслуживъ молебенъ, они отправились въ корпусъ, на Петербургскую сторону. Молчаливъ и задумчивъ былъ отецъ во весь длинный путь, противъ обыкновенія, коротко отвѣчая на вопросы сына о проѣзжаемыхъ зданіяхъ. Было еще рано, довольно пусто на улицахъ; но городъ поразилъ Алексѣя своимъ многолюдствомъ, все его занимало, веселило, дѣтская его голова не понимала опасеній отцовскихъ. Наконецъ они доѣхали до корпуса и отыскивали канцелярію.

Ихъ встрѣтилъ какой-то писарь довольно привѣтливо, рекомендовалъ писца, но, узнавъ, что просьба уже написана, нахмурился и сказалъ, что уже поздно и чтобы они пришли въ другой день пораньше.

Аракчеевы пріѣхали въ самое неблагоприятное время. Командиръ корпуса, генералъ Мордвиновъ, незадолго предъ тѣмъ умеръ⁽¹³⁾; временно завѣдывалъ корпусомъ генералъ Мелиссино, который былъ утвержденъ директоромъ только въ концѣ февраля 1783 г.⁽¹⁴⁾ Императрица поручила ему, ознакомившись съ корпусомъ, сдѣлать соображеніе къ совершенному преобразованію этого заведенія, согласно общихъ предположеній для воспитанія юношества цѣлой имперіи.

Горькіе дни испыталъ Аракчеевъ, при первыхъ своихъ столкновеніяхъ со служебнымъ міромъ. Дней десять сряду ходилъ онъ съ отцомъ въ корпусъ, пока они добились, что просьба 28

⁽¹³⁾ 5 октября 1782 года.

⁽¹⁴⁾ 22 февраля.

января была принята, но до назначенія новаго начальника не могли добиться резолюціи. Наконецъ вышло это желаемое назначеніе; но оно немного ихъ подвинуло. Почти каждый день являлись они на лѣстницѣ Петра Ивановича Мелиссино, чтобы безмолвно ему поклониться и не дать позабыть о себѣ. Прошло болѣе полгода ихъ пребыванія въ Петербургѣ, а въ это время другая настоятельная бѣда собиралась надъ ними. Деньги таяли; для уменьшенія расходовъ, ѣли только разъ въ день; наконецъ были издержаны и послѣднія копѣйки, а настойчивое ихъ появленіе въ передней Мелиссино оставалось безполезнымъ.

Единственный ихъ знакомый въ Петербургѣ, секретарь Сената В. Н. Гурьевъ ⁽¹⁵⁾, не могъ ссудить ихъ многимъ: они принялись продавать зимнее платье. Въ это время, услышали они, что митрополитъ Гавріилъ раздастъ помощь бѣднымъ ⁽¹⁶⁾. Крайность принудила обратиться къ милостынѣ. Отправились они въ Лавру, гдѣ много было собрано бѣдныхъ. Доложили преосвященному, что дворянинъ желаетъ его видѣть; онъ выслушалъ о несчастномъ ихъ положеніи, отправилъ ихъ къ казначею, гдѣ имъ былъ выданъ рубль серебромъ ⁽¹⁷⁾.

«Когда мы вышли на улицу — говорилъ графъ Аракчеевъ — отецъ мой поднесъ этотъ рубль къ глазамъ, сжалъ его и горько заплакалъ; я тоже плакалъ, глядя на его, и съ этимъ рублемъ втроемъ съ нашимъ служителемъ мы прожили десять дней.»

Издержаны были и эти послѣднія деньги. Стоя на директорской лѣстницѣ, со стѣсненнымъ сердцемъ, ждали они опять выхода Мелиссино. На этотъ разъ отчаяніе придаю бодрости сыну болѣе, нежели отцу. Со слезами подошелъ онъ къ вышедшему вельможѣ. «Ваше превосходительство — сказалъ онъ — примите меня въ кадеты... намъ придется умереть съ голоду... мы ждать болѣе не можемъ. Вѣчно буду вамъ благодаренъ и буду за васъ Богу молиться.» Рыданія мальчика, слезы на глазахъ отца остановили на этотъ разъ директора. Онъ спросилъ, какъ

⁽¹⁵⁾ Впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ, котораго графъ Аракчеевъ принималъ всегда съ особою привѣтливостію и вниманіемъ въ Грузинѣ.

⁽¹⁶⁾ На этотъ предметъ деньги отпускались отъ Императрицы. Бантышъ-Каменскій.

⁽¹⁷⁾ Бантышъ-Каменскій пишетъ, что три рубля, но по четыремъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ — одинъ рубль.

ихъ фамилія и когда подана просьба. Мелиссино вернулся въ свои покои и вынесъ записку для отдачи въ канцелярію, объявивъ имъ, что просьба исполнена. Алексѣй Аракчеевъ кинулся цѣловать его руки; но онъ поспѣшно сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Въ этотъ счастливый день, 19 іюля 1783 года,¹⁸ они съ утра ничего не ѣли. По выходѣ изъ корпуса, они завернули въ первую церковь. Не на что было поставить свѣчу. Они благодарили Бога съ земными поклонами.

«Этотъ урокъ бѣдности и безпомощнаго состоянія сильно подѣйствовалъ на меня — говорилъ графъ Аракчеевъ — я старался заслужить милость моихъ начальниковъ, и Мелиссино особенно полюбилъ меня за мою исправность. Изстари говорятъ, что счастье и несчастье приходятъ всегда со свитою своею. Отецъ мой въ тотъ же день встрѣтилъ одного родственника, пріѣхавшаго изъ Москвы съ туго набитою кошмою: онъ далъ ему денегъ, чтобы вернуться въ деревню.» Не потому ли, впоследствии, графъ Аракчеевъ такъ строго наблюдалъ, чтобы поступающія просьбы тотчасъ были ему представляемы, и на нихъ онъ немедленно клалъ свои резолюціи—исполненія или отказа. На другой день⁽¹⁹⁾, 20 іюля, Алексѣй Аракчеевъ поступилъ въ корпусъ, а отецъ, «поручивъ его подъ покровительство чудотворной иконы Казанской Богородицы»⁽¹⁹⁾, уѣхалъ въ деревню.

Разстанемся навремя съ принятымъ *новичкомъ* и ознакомимся съ Артиллерійскимъ и Инженернымъ шляхетнымъ корпусомъ того времени и его директоромъ Мелиссино.

II.

Артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ.

Артиллерійскія и инженерныя школы были основаны Петромъ Великимъ, выборомъ способныхъ молодыхъ людей, находящихся на службѣ, чтобы они «могли честь выне стяжать и скорѣе

⁽¹⁸⁾ По архиву 2 Кадетскаго корпуса. По формулярному же списку (въ архивѣ Арт. Деп.), Аракчеевъ зачисленъ кадетомъ только 20 октября. Вероятно, это описка, потому что, по имѣющимся словеснымъ преданіямъ, отецъ его полгода прожилъ въ Петербургѣ.

⁽¹⁹⁾ Приложение 3.

сдѣлаться достойными повышенія» ⁽²⁰⁾. Преподаваніе въ артиллерійскихъ школахъ состояло: въ ариѳметикѣ, геометріи, началахъ тригонометріи, фортификаціи и артиллеріи. Курсъ фортификаціи состоялъ въ изученіи и черченіи полевыхъ укрѣпленій, а по части долговременной—въ системахъ Кегорна и Вобана и ихъ атаки; курсъ артиллеріи—въ изученіи и черченіи орудій, лафетовъ, снарядовъ, военной лабораторіи и правилъ стрѣльбы. Установленныя практическія занятія должны были дополнить пріобрѣтаемыя теоретическія свѣдѣнія.

Упадокъ военного образованія въ войскахъ послѣ Петра Великаго отразился и на школы. Въ любопытныхъ запискахъ, современникъ М. В. Даниловъ рѣзко изображаетъ грустную картину образованія юношества, невѣроятную, если бы то не былъ простой безыскусственный разсказъ артиллериста, перешедшаго по скамьямъ артиллерійскихъ школъ временъ Анны Іоанновны. «Колоднику и подъ судомъ находящемуся смертоубійцѣ, рѣдко трезвому, вздорному штыкъ-юнкеру Алябушеву, который *разбиралъ Матвицкаго печатный ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ*», было ввѣрено одному, безъ помощниковъ, образованіе 700, собранныхъ указомъ, дворянскихъ дѣтей.» ⁽²¹⁾ Впрочемъ, не было и требованія на образованныхъ офицеровъ. Во время трехъ генераль-фельдцейхмейсторовъ: Гинтера, графа Миниха и принца Гессенъ-Гомбургскаго, одинъ за другимъ управлявшихъ русскою артиллеріею, нѣмецкій элементъ сдѣлался въ артиллеріи господствующимъ. Приплелцы при Петрѣ дослуживались до высшихъ должностей; предъ ихъ сыновьями и племянниками сглаживались всѣ трудности служебнаго поприща; отъ нихъ образованія не требовалось, и скоро сталъ нарастать толстый слой невѣжества и своекорыстія, подъ которыми заглохли всѣ прекрасныя положенія Петромъ начала. Рѣшннъ первый попробовалъ пошатнуть этотъ нѣмецкій элементъ; но графъ Шуваловъ окончательно поколебалъ его въ его основаніяхъ. За то иноземцы отместили генераль-фельдцейхмейстеру лзви-

⁽²⁰⁾ Этотъ замѣчательный указъ отъ 13 марта 1721 года утерянъ; его нѣтъ потому и въ «Полномъ Собраніи Законовъ». Сохранилась изъ него выписка въ дѣлахъ архива 2 Кадетскаго корпуса за 1758 годъ, который и приводимъ въ приложеніи 4.

⁽²¹⁾ Стр. 30 и 33 «Записки артиллеріи майора Михаила Васильевича Данилова» изданныя П. Строевымъ, въ Москвѣ, въ 1842 году